

УДК 94(47):34

Горбачев Максим Николаевич

аспирант Кубанского государственного
университета в г. Славянске-на-Кубани
editor@hist-edu.ru

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ
КУЛЬТУРЫ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – нач. XX в.**

В статье рассмотрены особенности и некоторые факторы формирования правовой культуры кубанского казачества во второй половине XIX – нач. XX в.

Ключевые слова: кубанское казачество, правовая культура, традиционные ценности, правопорядок, нравственность.

Gorbachev Maxim Nikolaevich

Postgraduate Student of Kuban State University
in Slavyansk-on-Kuban
editor@hist-edu.ru

**SPECIFIC FEATURES OF THE FORMATION
OF LEGAL CULTURE OF THE KUBAN
COSSACKS IN THE SECOND HALF OF THE
19TH – EARLY 20TH CENTURIES**

This article describes the specific features and some of the factors shaping the legal culture of the Kuban Cossacks in the second half of the 19th - early 20th centuries.

Key words: the Kuban Cossacks, legal culture, traditional values, rule of law, morality.

Правовая культура представляет собой разновидность общей культуры, состоящей из накопленного опыта духовных и материальных ценностей, относящихся к правовой действительности. При этом правовая культура включает лишь то, что есть в правовых явлениях относительно прогрессивного, социально полезного и ценного. Она характеризуется состоянием правосудия, законности и правопорядка [1].

В историческом плане кубанская казачья правовая культура и факторы ее формирования в исследуемый период восходят ко времени, когда зародилось само кубанское казачество, перенявшее и сохранившее общинные и религиозные традиции запорожских и донских казаков.

Общественно-исторические, социально-культурные, географические и другие особенности формирования и эволюции кубанского казачества наложили глубокий отпечаток на формирование правовой культуры.

Условными категориями, на которых строилась правовая культура сословия, являются понятия «закон» и «порядок». Первоначально на этапе формирования сословия эти категории располагались бессознательно и коллективно в умах казачества, и выливались в самых разнообразных формах и символах, вплетаясь в духовную жизнь народа.

На историческую арену казачество вышло весомой социальной силой, в значительной мере сложившейся общностью, которая носила ярко выраженный военизированный характер, особенно на ранних этапах существования, овладевшей уже сформировавшимися традициями братства, самоуправления, самоорганизации, казачьего обычного права. Такой комплекс традиций складывался в течение долгого времени. Например, обычаи воинского круга, или рады, который был одной из особенностей, повлиявших на формирование правовой культуры казачества. Круги и рады были присущи многим народам – германским, славянским, скифским. Но от древнерусского вече и земских сходов средневековой Руси казачий круг значительно отличался как по ритуалу, так и по функциям. Это был общественный институт, который обладал не только избирательными, но и высшими законодательными, административными и судебными полномочиями. Решения круга, рады беспрекословно выполнялись всеми казаками. Они отражали традиционные особенности казачества как военного сообщества. Общеказачьи собрания служили для них символом их свободы, гласности и равноправия [2].

Традиционно Рада и Круг проводились на майдане (площади) под открытым небом. Когда площадь заполнялась казаками, в круг их входил войсковой старшина, далее появлялись куренные атаманы, каждый со своей куренной тростью – символом власти. Все они снимали шапки и кланялись на все четыре стороны, в знак уважения к собравшимся [3]. Данный церемониал придавал проводимому мероприятию особый колорит и торжественность, вселял чувство уважения к заслуженным людям и войсковой старшине, способствовал укреплению дисциплины и гласности.

Таким образом, в XIX в. традиционные институты публичной власти постепенно вовлекались в механизм формирования правосознания, которому было свойственно чувство значимости как защитника престола, чувство понимания и стремления лояльности к власти, соблюдению закона с одной стороны, и формированию традиционных ценностных ориентации казачества у

подростающего поколения, с другой.

Одним из особых факторов формирования правовой культуры у казаков выступает семья. Она является началом общественной жизни, источником нравственности и порядка. Именно в семье на ранних этапах происходит социализация, закладываются основы ментальности, миропонимания, основы культуры.

Различные историко-территориальные группы, вошедшие в состав кубанского казачества, имели, соответственно, различные семейные традиции. Они связаны по происхождению с украинскими и кавказскими общностями.

В семье кубанского казака находили свое отражение признаки демократии, свойственные казачьей общине.

Одной из нравственных основ казачества являлся культ предков. Каждый казак с самого раннего возраста хорошо знал свою родословную, героические подвиги отца, дедов и прадедов. Уважение и почитание традиционных культурных ценностей прививались подрастающему поколению с раннего возраста.

Преклонение перед старшими закреплялось не только обычаями, но и официальными, «писанными», казачьими законами. Так статья 556 Положения «Об общественном управлении станиц казачьих войск», гласила: «В суждении и решении дел общественных станичных Сбор имеет главным основанием, чтобы меры взыскания служили к неослабному сохранению и утверждению древних обычаев, доброй нравственности и уважения к старшим». Ст. 568 того же закона, касающаяся обязанностей станичного атамана, предусматривала: «Станичный атаман обязан наблюдать за тем, чтобы казаки оказывали должное уважение к старикам».

Важнейшей задачей казачьей семьи было воспитание новых членов общины. Оно должно стать обязательно дать определённый результат, т.е. молодой казак должен был быть способным нести службу, обеспечивать семью и участвовать в жизни общины «не хуже других».

Воспитание в казачьих семьях по обычаю было строгим. Детей даже за малые провинности ограничивали, принуждали, наказывали. Такое воспитание должно было внушить детям дисциплину и чувство иерархии, оно было одним из способов внушить уважение к традициям. Одновременно строгость должна была подготовить их к перенесению жизненных тягот.

В конце XIX в., а в большинстве станиц в начале XX в., наблюдаются кризисные явления во взаимоотношениях поколений. Эти проблемы даже обсуждались на станичных сборах. Принимались соответствующие решения.

Традиционная система воспитания детей на Кубани складывалась под воздействием определённой хозяйственно-культурной деятельности, социальных отношений, уклада жизни и природной среды Кубани. У кубанских казаков народная педагогика преследовала три основных воспитательных аспекта: военно-патриотический, трудовой и нравственный [4].

Религиозность составляла основу духовных воззрений кубанских казаков. Ни одно большое или малое событие в жизни казака, семьи или станицы не обходилось без участия церкви или присутствия элементов христианства. От зачатия до смерти казаков сопровождала масса обрядов и действий, обусловленных религиозным мировоззрением.

Особую роль играли походные церкви и молельные помещения. Для казаков, находящихся на службе, они были символом самого ценного для них – веры, единства и связи с родными и близкими. «Восточная часть казармы была свободна. В ней помещалась сотенная Св. Икона, в передней казаки собирались петь молитвы. Казаки поставили свои иконы – родительское благословение – рядом с сотенной иконой» – так описал сотенные молельные 1-го Кавказского полка служивший в нём офицер А.Д. Ламонов [5].

В свою очередь войсковые ритуалы органично дополняли крупные годовые православные праздники, в источнике середины прошлого века сообщается, например, что «на другой день светлого праздника (Пасхи) при обходе духовенства вокруг собора офицеры выносят знамена всех полков, а урядники – куренные булавы. Выставляются доспехи войска, запорожские литавры... царские грамоты». Эти ритуалы одновременно объединяли уходящих (или вернувшихся) казаков друг с другом – и с близкими, станицу не покидавшими. Так называемые церковные парады, объединявшие светское военное и церковное торжество, призваны были подчеркнуть единство казаков, как в рамках подразделения, так и войска в целом – с государством и правящей династией [6].

Особое значение имело участие в обрядах и соблюдение постов. Именно это свидетельствовало о его преданности вере. Среди христианских добродетелей суровая казачья жизнь выдвигала на первый план милосердие, стремление помочь ближнему. Об этом свидетельствуют и христианские легенды Кубани. «В делах христианской благотворительности прихожане очень

усердны» – писал о своей пастве кубанский священник конца XIX в. [7].

Религиозность дореволюционных казачьих общин была отчасти грубой и приземлённой. «В понятиях религиозных черноморцы недалеки. По характеру своему черноморец набожен, усерден к религии, но набожность его довольно груба. Если поставит Богу свечку, справит молебен всем святым, то он уже и себя считает святым» – говорил свидетель середины XIX в. [8].

Каждому этапу жизненного цикла – отрочество, юность, совершеннолетие и т.д. – были присущи свои особенности. От возраста зависело право участия детей в тех или иных религиозных обрядах и действиях [9].

Митрополит Евлогий, находясь после революции 1917 г. в эмиграции, в своих рассуждениях о казачестве отметил: «Казак верит просто, не углубляясь в тайны веры, консервативно, но верит крепко, любит свою Церковь всей душой и ни за что ей не изменит» [10].

Вторая половина XIX в. стала новым этапом в жизни казачества Кубани. В ноябре 1860 г. Александр II подписывает указ о создании новой административной единицы империи – Кубанской области. В ее состав вошли земли Черноморского казачества и шести бригад Кавказского линейного казачьего войска, а также Закубанье. Из казаков Черноморского войска и 6 бригад, пешего батальона, двух конных батарей Кавказского линейного войска было учреждено единое Кубанское казачье войско [11].

В 1864 г. царское правительство утверждает «Положение о начальных народных училищах», в котором определена их главная цель: «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные сведения» [12].

Нужно заметить, что казачье население относилось к образованию неоднозначно. Несмотря на характерное стремление казаков к грамотности, отмечались любопытные случаи, когда родители не желали учить детей. Причины этому могли быть разные, но, пожалуй, основной было нежелание лишаться помощников по работе в хозяйстве [13].

Подводя итоги и некоторые результаты, полученные в сфере народного просвещения за 1895 г., газета «Кубанские областные ведомости» сообщала, что «...общее оживление русской жизни 60-х годов не прошло безрезультатно для народного образования Кубанской области. Именно в это время здесь открывается значительное число школ и станичных училищ» [14].

Кубанский историк П.П. Короленко характеризует это время следующими словами: «В преобразовательный период казаки стали культурнее. Этому более всего способствует распространяющаяся между ними грамотность, развитие которой составляет одну из важных забот Кубанского войскового начальства, достигшего тех результатов, что кубанское казачье население само уже сознаёт пользу образования» [15].

Таким образом, уже с самого момента своего зарождения система мужского и женского образования была направлена на воспитание культурного и образованного человека.

Очевидно, что прогрессивно мыслящие люди понимали: полезнее Отечеству воин, который не только ловок, но и грамотен.

В начале XX в. войско вновь усиливает свою заботу о грамотности будущих воинов. Согласно указу наказного атамана, все неграмотные казаки-призывники обучались чтению, письму, счёту.

Помимо обязательного обучения призывников, с 1890-х гг. во многих станицах области стали открывать воскресные школы для взрослых. Занятия в них шли по воскресеньям. Преподавались письмо, арифметика, география, история, Закон Божий.

То есть мы видим, что казаки вбирали в себя различные культуры и традиции других народов, обогащая свою культуру со всех сфер жизни, что и включает сюда правовую культуру. Все это говорит о том, что казачество – это, прежде всего, некая духовная общность, где свои традиции, особенный хозяйственный уклад и менталитет, где и войсковая элита, и рядовые казаки осознавали себя частью единого организма, с собственным пониманием закона и представлением норм и порядков.

На Кубани казачество представляло собой тесно переплетенную украинскую и русскую этнографическую группу, представленную черноморским казачеством и линейным казачеством. Этому способствовали совместная служба, общность военно-политической обстановки на Кавказе, смешанные браки, близость славянской культуры, одно правовое пространство, православное вероисповедание, совместное освоение Закубанья. Взаимопроникновение культур черноморского и линейного казачеств способствовало, в свою очередь, становлению нового правосознания и правовой культуры, связанного с территорией Кубани, которое было закреплено 19 ноября 1860 г. в названии «Кубанское казачье войско».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Якушев А.В.* Теория государства и права. М., 2000.
2. *Гордеев А.А.* История казаков. М., 1991. Ч. 2.
3. *Емельянов Ю.Н.* Генезис и особенности сословной ментальности кубанского казачества. Славянск-на-Кубани, 2007.
4. *Матвеев О.В.* Станичный атаман в исторической картине мира кубанского казачества // Казачество России: история и современность. Краснодар, 2002.
5. *Емельянов Ю.Н.* Просвещение и воспитание в Кубанском казачьем войске (конец XVIII – нач. XX века). Славянск-на-Кубани, 2004.
6. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 5. Л. 202, 203об.
7. Богослужение с церковным парадом войск // КОВ. 1899. № 4; ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 5. Л. 43об.
8. Организация церковной жизни на Кубани // Православная церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX века). Краснодар, 2001.
9. *Бондарь Н.И.* К вопросу о традиционной системе ценностей Кубанского казачества // Из Культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1999.
10. *Шептун С.* Из истории православной церкви на Кубани. Краснодар, 1995.
11. *Левченко В.* В интересах беспристрастия. Из ответов на анкету о казачестве // Кубань. 1991. № 1.
12. *Галушко К.* Казачьи войска России. М., 1993.
13. *Горлова И., Манаенков А., Лях В.* Культура кубанских станиц, 1794-1917. Краснодар, 1993.
14. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 313.
15. Горлова И., Манаенков А., Лях В. Указ. соч.